

<https://doi.org/10.21638/2226-5260-2022-11-343-378>

ГЕОРГ ВИЛЬГЕЛЬМ ФРИДРИХ ГЕГЕЛЬ

ЛЕКЦИИ ПО ФИЛОСОФИИ ПРИРОДЫ ЗИМНЕГО СЕМЕСТРА
1821/22 ГОДА, ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ НА ОСНОВЕ ДВУХ
АНОНИМНЫХ ДОРАБОТАННЫХ КОНСПЕКТОВ. ФРАГМЕНТЫ.
УЧЕНИЕ О ПРОСТРАНСТВЕ И ВРЕМЕНИ*

АНТОН ФОМИН (пер. с нем.)

Кандидат философских наук, доцент.
МГУ имени М. В. Ломоносова.
119991 Москва, Россия.
E-mail: ontol@philos.msu.ru

АЛЕКСАНДР ФРОЛОВ (пер. с нем.)

Кандидат философских наук, старший преподаватель.
МГУ имени М. В. Ломоносова.
119991 Москва, Россия.
E-mail: alloff2008@yandex.ru

GEORG WILHELM FRIEDRICH HEGEL

VORLESUNGEN ÜBER PHILOSOPHIE DER NATUR AUS DEM
WINTERSEMESTER 1821/22, DARGESTELLT ANHAND ZWEI
ANONYMEN NACHSCHRIFTEN. FRAGMENTE. RAUM-ZEIT-LEHRE

---

* Перевод выполнен по изданию: Bonsiepen, Wolfgang: „Hegels Raum-Zeit-Lehre. Dargestellt anhand zweier Vorlesungsnachschriften“, in: *Hegel-Studien* 20 (1985), hrsg. von Nicolin, Friedhelm und Pöggeler, S. 9–38 (Bonsiepen, 1985a, 9–38).

Публикуется с любезного разрешения Felix Meiner Verlag GmbH.

© FELIX MEINER VERLAG GMBH.

© ANTON FOMIN, ALEXANDER FROLOV, trans., 2022

LECTURES ON PHILOSOPHY OF NATURE FROM THE WINTER SEMESTER 1821/22,
REPRESENTED ON THE BASIS OF TWO ANONYMOUS REVISED LECTURE NOTES.
FRAGMENTS. THE DOCTRINE OF SPACE AND TIME

ANTON FOMIN (trans. from German)

PhD in Philosophy, Associate Professor.
Lomonosov Moscow State University.
119991 Moscow, Russia.
E-mail: ontol@philos.msu.ru

ALEXANDER FROLOV (trans. from German)

PhD in Philosophy, Senior Lecturer.
Lomonosov Moscow State University.
119991 Moscow, Russia.
E-mail: alloff2008@yandex.ru

*ДОРАБОТАННЫЙ КОНСПЕКТ А
ФРАГМЕНТЫ*

I. МЕХАНИКА

В данном компендии одна из его частей отнесена ко второй части, а первая названа просто математикой.

Две части: 1) пространство и время, 2) их отношение друг к другу двояким образом, так что а) пространство и время в этой форме различия исчезают, становятся материей — относительным единством, б) абсолютным единством: движением.

[ПЕРВАЯ ЧАСТЬ]

Мы начинаем здесь с внешности. Поле внешности само есть понятие, тотальность, идея. Это ступень высшего разделения, когда понятие еще не пришло к внешности, так чтобы она стала его плотью.

Три ступени: 1) абстрактная внешность, 2) [абстрактная внешность], редуцированная к своей ближайшей идеальности и истине как материя, в отношении к внешности; первоначально [здесь имеется в виду] только релятивное отношение, 3) материя, положенная тождественно с движением в пространстве и времени, движением в качестве свободной системы, не только во внешнем.

Прежде всего, 1) *внешность, вне-себя-бытие, абстрактная внешность*. Иначе она была бы чем-то конкретным, что берет свое начало только материи.

Это абстрактное распадается на два модуса вне-себя-бытия: пространство и время. Данное различие должно присутствовать повсеместно в качестве момента понятия. Но и вне-себя-бытие является по существу своему понятием. В сфере абстрактного это различие может быть лишь индифферентным. Поэтому здесь еще не имеет места отношение различающихся. Здесь налицо два модуса вне-себя-бытия. Один модус — пространство, другой — время. Одно — совершенно индифферентное вне-себя-бытие, [вне-себя-бытие] как *существующее, покоящееся*, второе — [вне-себя-бытие] в своей отрицательности: вне-себя-бытие как *становление*.

Следует рассмотреть, как пространство и время переходят друг в друга: форма вне-себя-бытия должна быть двойкой — *покоящейся и лишенной покоя*.

Здесь мы начинаем с природы. Предметом нашей рефлексии является отношение пространства и времени. Подлинное начало должно быть для-себя и полагается здесь. Для этого нам не нужно ничего знать, за исключением того, что здесь мы рассматриваем природу, [а также то,] в какой определенности в ней содержится идея.

§ 197. *Первое непосредственное определение есть абстрактная всеобщность ее [идеи] вне-себя-бытия*. Идея есть нечто конкретное. Здесь же, в начале, мы имеем дело с совершенно абстрактным. Первое — это внешность в отношении самой себя как совершенно абстрактная внешность, она-то и есть пространство. С ним мы сталкиваемся прежде всего в нашем зрительном восприятии, хотя и не в нашем ощущении. Все видимое, чувствуемое пространственно.

Здесь пространство следует первым делом рассматривать [с точки зрения] для-себя. Его характер определяется как вне-себя-бытие и притом посредством [самого] себя как абстрактный.

Мы представляем пространство как сосуществование «здесь», и «здесь», и «здесь» — вне-себя-бытие нескольких вещей, каждая из которых занимает место подле других; напротив, моменты времени друг с другом не совместимы.

Каждое «здесь» есть только одно «здесь», поскольку оно исключает другие, [существующие] наряду с ним самим; оно есть нечто внешнее по отношению к самому себе. «Здесь» является чем-то внешним в себе самом; оно само имеет верх и низ, право и лево, [таким образом,] оно имеет несколько «здесь» в себе самом; то, что не было бы внешним в себе самом, являлось бы точкой, которая была бы внешней [только] по отношению к чему-то другому, — ее, однако, не существует.

2) Эта внешность совершенно абстрактна; в этой внешности еще отсутствуют какие-либо определенные различия, это различие вообще. Эти «здесь» совершенно не соприкасаются друг с другом; лишь благодаря преднаходимым предметам одно «здесь» можно отличить от другого. Древнее диалектическое утверждение Зенона гласит: летящая стрела покоится.

Различные места, которые она пролетает, суть одни и те же «здесь», различны они только в нашем представлении; но мы придаем каждому [месту] то же самое определение, что и другому, называя их одинаково.

Итак, внешности существуют совершенно абстрактным образом по отношению друг к другу. Данное различие еще неразлично, совершенно абстрактно и *пусто*.

Пространство есть сосуществование, или совершенно идеальное сосуществование. Пространство абсолютно непрерывно; точечность не имеет здесь никакой силы: [это] совершенная непрерывность, без каких-либо разрывов. В понятии точки заложена обособленность, отделение от всего остального. Однако эти разрывы не касаются пространства как такового, между ними нет ничего непространственного; в одной лишь точке, как таковой, содержится всецело идеальное определение. В пространстве нет никакого прерывания, ничего отрицательного.

Эта неразличимость точек в их явленности, это единство в экстериорности (внеположенности, *Außereinander*) одного по отношению к другому¹ есть непрерывность.

Итак, мы имеем противоположные определения: *совершенная индифферентность* по отношению друг к другу, которая является внешней, и, с другой стороны, *неразличимость* в бытии-вне-друг-друга, [т.е.] непрерывность. Это и составляет понятие пространства.

Это совершенно определенное, объективное понятие пространства.

Говорят об абсолютном пространстве, так как оно есть не что иное, как абстракция пространства как такового, и об относительном пространстве, поскольку пространственность [в данном случае] рассматривается в связи с ее наполнением. Так называемое абсолютное пространство есть, таким образом, не что иное, как абстрактное пространство. Относительное пространство есть [пространство] наполненное, и оно обладает большей реальностью, чем абстрактное пространство. Истина пространства состоит как раз в том, чтобы

---

¹ Подробнее относительно понимания слова *Außereinander* см. предисловие к переводу. — *Прим. пер.*

быть материально наполненным, следовательно, относительным пространством.

Прочие рефлексивные определения [пространства] уже были получены в метафизике. Основной вопрос состоял в том, 1) есть ли пространство нечто само по себе реальное, или 2) всего лишь свойство вещей, или 3) нечто субъективное.

Если бы пространство было чем-то для себя субстанциальным, то оно должно было бы служить самостоятельнымместилищем [всех] вещей и сохраняться по отношению к иному; ящик есть нечто в себе особенное. Однако Вы легко заметите, что пространство абсолютно уступчиво, оно не оказывает через себя никакого сопротивления — что имело бы место, будь оно для себя чем-то реальным. Поскольку пространство существует, существует также и иное. Нельзя указать на пространство, которое существовало бы для себя. Оно кажет себя лишь в отличие от того, что мы замечаем в пространстве и рассматриваем как отличное от него (как, например, воздух, свет и пр.).

Если сказать, далее, что пространство есть свойство вещей, порядок вещей (Лейбниц), [т. е. есть нечто такое], что имеет своим носителем сами вещи, то мы обнаружим, что, если убрать все вещи, пространство тем не менее останется, — следовательно, оно существует независимо от вещей. Если убрать то, что наполняет пространство, пространство, тем не менее, остается.

Наконец, говорят: пространство вообще не является чем-то противостоящим нам, оно неотлично от представляющего, но есть субъективное представление. Мы экстерииорируем получаемые нами ощущения, [полагаем их вовне нас], в пространство, которое мы тем самым создаем. Отличая эти ощущения от нас самих, делая их внешними, мы переносим их в пространство, и тем самым создаем это пространство. Применительно к данному представлению будет верным [сказать], что пространство является для нашего созерцания чем-то сотворенным. Противоположность сознания и природы нас здесь не касается. Противоположность субъективности и объективности находится ниже нас². Мы говорим о природе для себя, отношение духа к природе уже обсуждалось прежде.

² В отличие от естествознания в натурфилософии мы, согласно Гегелю, достигаем того уровня рассуждения, где противоположность субъективного и объективного преодолевается. Здесь мы не берем природу как нечто, отчужденное от духа, но, напротив, пытаемся понять, каким образом в каждой ступени или определении природы наличествует дух: «Мыслительное рассмотрение природы должно постичь, каким образом природа есть в самом себе процесс становления духом, процесс снятия своего инобытия; оно должно постичь, как в каждой ступени самой же природы наличествует дух, отчужденная от идеи природа есть

Пространство не есть нечто частное, противостоящее другому частному, но есть нечто всеобщее, есть абстракция вне-себя-бытия предметов; то [обстоятельство], что оно нуждается в наполнении, проявится в дальнейшем, когда его абстракция разрешится.

Согласно кантовскому представлению, пространство является формой чувственного созерцания. Конечно, пространство есть голая форма, т. е. абстракция; оно не есть нечто реальное, но всего лишь абстракция. Притом оно есть нечто чувственное, чьей характеристикой является экстериторность (внеположенность, *Außereinander*) одного по отношению к другому. Душа, мышление есть для себя существующая субъективность, отраженная в себе. Это есть [нечто] нечувственное, царство мышления, идеальность — не как абстрактная, но как соотносящаяся с самой собой, содержащая в себе определенные различия. Напротив, пространство есть нечто чувственное; однако оно представляет собой все еще абстракцию чувственности.

Согласно Канту, пространство есть только субъективное представление. Это различие [т. е. различие субъективного и объективного] для нас в данном случае абсолютно нерелевантно. Объективное оно или субъективное, все равно остается вопрос: что же такое пространство? То [обстоятельство], что оно есть нечто субъективное, отнюдь не составляет его сущности.

Точки пространства иногда рассматриваются как самостоятельное основание пространства. В математике, особенно высшей математике, часто прибегают к представлению о том, что линия состоит из точек и т. п.

Если мы будем твердо держаться абстракции внешности, то мы получим бесконечное множество точек как атомов пространства; однако это лишь один момент пространства, другой заключается в неразличимости этих частей, что обуславливает его непрерывность. Пространство есть единство обоих этих моментов.

Допущение того, что атомы пространства полагаются, есть всего лишь возможность, равным образом [как и допущение того], что оно [т. е. пространство] есть нечто «одно», и притом как бесконечное. Непрерывность — тоже всего лишь возможность. Ограничения, отрицательное, точечность — всего лишь возможное; но она [точечность] не снимается посредством движения непрерывности. Итак, деление пространства возможно, как и [его] неделимость. Пространство можно ограничить со всех сторон, но его нельзя прервать.

лишь труп, которым занимается рассудок» (Hegel, 1975, 26). Противоположность субъекта и объекта остается, таким образом, ниже нас или позади нас. — *Прим. пер.*

§ 198, 199: приводятся определения пространства.

§ 198. а) Три измерения пространства. Кроме того, мы проводим дальнейшие различия, [а именно]: линии, плоскости, поверхности.

Данные измерения предполагаются в геометрии. В философии же такие определения должны рассматриваться в их необходимости.

Как понятие, пространство несет в себе понятийные различия. Понятие есть единство различий. Наши различия суть внешность и ее единство, единство же обоих [различий] есть пространство. Там, где существует пространство, оба определения необходимо соединяются. Там, где существует пространство, одно неотделимо от другого. Следовательно, различие в пространстве еще не положено. Однако различия все-таки должны существовать, должны быть в нем положены. Различие в пространстве, явление — как это возможно?

Первоначально различие есть разность вообще, еще совершенно неопределенно и индифферентно; определение, совершенно лишенное определенности: речь идет об измерениях. Понятие проявляется здесь совершенно формальным, неопределенным образом; как известно, оно имеет три момента. В пространстве [их] тоже три, причем дело ограничивается тем, что мы их можем только сосчитать.

Эти три измерения различимы только по числу. Нельзя сказать, за счет чего различаются между собой высота, длина и ширина; это тройное различие, лишенное определения. Двусмысленности нет только в случае с высотой, тогда как длину и ширину можно [легко] спутать. В случае высоты имеется определенное направление. Различие высоты и глубины привязано к нашей точке зрения. Центр Земли определяет направление высоты. Это, однако, [чисто] физическое определение, которое никак не касается пространства.

Имеются совершенно неразличимые направления, которые получают свое определение только от чего-то физического помимо него (т.е. помимо пространства)³.

Лево и право тоже физические определения.

Различие не может оставаться в этой неопределенности, поскольку оно должно быть различием.

В § 199 б) оно становится существенно более определенным и качественным. Как мы приходим к определенности в пространстве, к чему-то определен-

---

³ Речь идет о том, что направления будут оставаться неразличимыми до тех пор, пока не появится физический предмет, имеющий определенную внешность, в которой можно будет угадать верх и низ, право и лево. Пока такого объекта не будет, исходя из самого пространства, различить направления не удастся. — *Прим. пер.*

ному для самого себя? Отрицательность, относящаяся к самой себе, есть мысль, и эта мысль — в пространстве; для-себя-бытие в пространстве есть точка. Первоначально точка есть отрицание самого пространства. «Одно» есть абстрактная определенность для себя. Для-себя-бытие совершенно противоречит природе пространства как неразличимого, не существующего для себя вне-себя-бытия.

Точка есть абстрактное для-себя-бытие; [она] непространственна, но есть отрицательное пространства. Однако отношение к пространству делает ее саму чем-то пространственным. Итак, точка представляет собой противоречие с самой собой, что уже достаточно ясно видели скептики.

Таким образом, кажется избыточным выявлять в пространстве точку, так как она есть нечто пустое. Однако, поскольку такова природа вещей, она [точка] также должна наличествовать, это и есть наиболее существенное. То, что мы действительно постигаем, каким-то образом наличествует.

Каким же образом существует данное противоречие? В точке объединены противоположности, причем их разрешение отсутствует. Разрешение этого противоречия есть разрешение [противоречия] самой точки, ибо она [сама] есть это противоречие.

Линия с необходимостью берет отсюда свое начало; она возникает согласно представлению о том, что точка движется. Это означает не что иное, как: линия есть становление-иным точки; точка, которая себя снимает, есть линия. Точка должна быть пространственной; будучи таковой, она прекращает быть точкой, становится чем-то протяженным — линией; так возникает пространственное ограничение, которое более не является точкой.

Линия есть истина, результат точки. В ней разрешается противоречие. Но тогда разрешение больше не является точкой, ибо оно должно быть только чем-то «одним» и чем-то пространственным.

В линии абстрактное для-себя-бытие точки снято. Однако граница, положенная как пространственность, получена не как исключяющее «одно», но как принцип.

Отношение точки к пространству есть линия. Она есть первое позитивное определение: граница в пространстве.

Истиной инобытия является отрицательное отрицательного; второе [отрицательное] есть плоскость, линия в снятом виде есть плоскость, так что эта снятость, тем не менее, остается чем-то позитивным. Плоскость возникает благодаря движению линии, становление-иным линии есть плоскость.

Плоскость имеет два измерения (линия есть направление), так как она [плоскость] содержит в себе два определения. Линия есть первое отрицатель-

ное, а отрицательное отрицательного есть плоскость. С одной стороны, плоскость есть отрицательное отрицательного; таким образом, она есть нечто особенное по отношению к линии и, как таковая, сама представляет собой границу в отношении пространства. Далее, она является также отрицательным [самого] отрицания, индифферентного определения вообще, и тем самым [она является] тотальностью; следовательно, плоскость есть поверхность, восстановление пространственной тотальности, возвращение целого в себя, снятие границы, но таким образом, что она сохраняется.

Примечание. Линия не состоит из точек, точки можно полагать повсеместно, но все это будут лишь точки; так же и плоскость не [состоит] из линий, она представляет собой инобытие линии, имеет линию в качестве своего начального определения, которое, однако, не сохраняется. Плоскость больше не является абстрактным ограничением, подобно линии.

Можно задаться вопросом: в силу чего геометрия является научным рассмотрением пространства? [На это] отвечают: она рассматривает свойства пространства; но это [слишком] неопределенно. Она рассматривает пространственное в соответствии с вышеприведенными определениями: [как] линии, плоскости, тела. Но что [именно] она рассматривает в них?

Геометрическая наука должна рассматривать нечто закономерное, то есть такое, что имеет равенство в себе самом; лишенное закономерности должно быть редуцировано к закономерному. Тожество в этих фигурах — только внешнее, оно-то и называется закономерностью. Через природу пространства определяются измерения и способы ограничения, прочее же — лишь внешнее, индифферентное определение. Тожество полагается извне, или же закономерное [полагается извне]. Только оно содержит существенную сопряженность различных содержаний друг с другом. Познание этого — задача геометрии.

Простые определения границ не существуют для себя, мы полагаем их только в геометрии через абстракцию. Посредством таким образом положенных фигураций 1) даются определения. Нужно только уяснить себе их простую определенность (треугольники, круг). 2) Другая сторона, составляющая собственный интерес науки, заключается в том, что фигура, положенная в подобной определенности, рассматривается [под углом зрения того], как возникла ее определенность как нечто в себе различное. Познается, следовательно, отношение этого определения. Это предмет теорем. Среди них есть более или менее полные.

[Приведем] несколько примеров! Можно начать с равенства треугольников. Простое начало — треугольник. О нем известно, что он представляет

собой такое отношение в себе самом, что, если определены несколько его составляющих, определено и все остальное. Если определены две стороны и угол между ними, то определено и [все] прочее, [— это] есть нечто само собой разумеющееся и, вообще говоря, нечто избыточное.

В таких положениях определение еще всецело абстрактно: [когда говорят, например], что если эта сторона определена, все остальное тоже определено; [здесь имеется только] зависимость одного от другого.

Отсутствует точная определенность того, *насколько велика [та или иная часть]*? Это достигается в теореме Пифагора, которой Евклид заканчивает свою первую книгу; здесь имеет место абсолютная определенность [треугольника]. Если в прямоугольном треугольнике, гласит теорема, две стороны имеют такую-то величину, то третья имеет такую-то величину. Здесь налицо абсолютная определенность, которая является безусловной.

Простая дефиниция круга заключается в равенстве радиусов. Высшая дефиниция имеет место, если в нем [круге] полагается различие. Следовательно, [мы имеем] двоякую дефиницию круга, простую и тригонометрическую. В таком случае определенность круга составляет отношение абсцисс, ординат и радиусов.

Отдельные высказывания о круге не выражают всей определенности круга.

Треугольник есть первая из прямолинейных фигур и представляет собой первое полное ограничение. Это нечто необходимое. Прямой угол есть наиболее законосообразный, так как он равен двум другим углам.

Прямая линия есть кратчайшее расстояние между двумя точками. Это кажется соответствующим представлению, так как еще отсутствует определенное сознание содержания. Можно также сказать: эта линия есть простейшая линия между двумя точками, которая имеет только одно направление. Многими направлениями обладают кривые линии; в этом есть нечто количественное.

Мы переходим ко времени, которое равным образом [представляет собой] абстрактное бытие-вне-друг-друга. Само пространство переходит во время, как раз этот переход мы и должны прежде всего рассмотреть.

Он явным образом выражен в § 200. Время есть отрицание пространства: [имеется в виду] эта отрицательность самого пространства, [положенная] для себя. В отрицательности заключены измерения пространства. В ней заложено различие. Пространство есть единство экстериорности (внеположенности, *Außereinander*) одного по отношению к другому в непрерывности, отрицательное этой различности, которые суть моменты понятия.

Эта отрицательность положена в самом пространстве.

В абсолютном, абстрактном пространстве у нее нет развития. Реальность измерений — только положенность определенности. Но эта отрицательность должна также существовать для себя.

В том, что различается в пространстве, отрицание наличествует по способу индифферентного существования, сосуществования. Отрицательное проявляется в качестве границы, и эти [границы] суть отрицательное, [т. е.] некое индифферентное существование. Тем самым, однако, определенность еще не достигает своей цели; в качестве границы она парализована в индифферентности пространственного существования; граница ничего не прерывает, преобладает спокойное существование. Сама граница имеет место как существующая. Недостаток пространства заключается как раз в том, что в нем граница, т. е. отрицательность, не достигает своей цели, не достигает наличного бытия.

Во времени же происходит следующее. Отрицание представляет собой столь же существенный момент, как и индифферентное существование; пространство есть противоречие, [которое заключается в следующем]: оно обладает в себе такого рода отрицанием, что это отрицание само впадает в индифферентное существование. С одной стороны, [здесь мы имеем] бытие, с другой — отрицание, два в одном; налицо противоречие, а пространство и есть это внутреннее отрицание его самого. Самоснятие этих моментов его бытия как раз и является истиной пространства. Оно самоуничтожается. Истина, которой пространство является в себе, диалектика пространства, есть время.

Точки не существует, она находится вне пространства, как его отрицательное; поскольку же она существует в пространстве, она есть линия. Когда отрицательность становится пространственной, она переходит в линию. Во времени точка обладает действительностью; точка, как она есть в действительности, есть время.

Таково абстрактное определение времени, вытекающее из пространства. В нашем представлении они принципиально различны.

Эта отрицательность составляет принцип времени. Именно *внутри-себя-бытие* происходит из этого пустого, множественного рассеяния. В пространстве все имеет свое определение через иное. Внутри-себя-бытие есть как раз эта точечность времени; но это не свободное внутри-себя-бытие, подобное внутри-себя-бытию самосознания, — но еще всецело чувственное внутри-себя-бытие, совершенно непосредственное, — внутри-себя-бытие, которое не существует в стихии внешности, [но] которое само является абсолютно внешним по отношению к себе. Имеет место единство различных определений; они

больше не индифферентны [по отношению друг к другу], но идеальны, как положенные в качестве снятых. Но эти различные определения таковы, что, будучи идеальными, они одновременно исключают себя в качестве внешних. Время — самое могущественное и одновременно наиболее бессильное. Таково третье определение, единство обоих определений внешности и внутри-себя-бытия. Но это еще не усмирение и не успокоение данных определений друг по отношению к другу, как [это имеет место] в самосознании, понятии.

Время есть идеальность в природе, которая все существующее полагает в качестве несуществующего. Оно есть [нечто] беспокойное, неудовлетворенное, которое есть, только будучи внешним по отношению к самому себе.

§ 201. Время есть отрицательное единство вне-себя-бытия, некоторое всецело абстрактное, идеальное бытие. Физический процесс есть конкретное свершение, свершение же времени — абстрактно. От всякого изменения время [отличается тем], что оно [всецело] абстрактно, лишено всякого содержания и наполнения.

Таково рассмотрение времени с точки зрения его бытия-исполненным; становление-иным внешнего во внешнем дает понятие времени.

Пространство и время — совершенно односторонние абстракции. В дальнейшем мы увидим, в чем они снимаются.

Абстрактное изменение, [закрывающееся в том,] что нечто непосредственным образом не есть посредством того, что оно есть, и наоборот, — время⁴. Одно, возникающее из другого, не есть нечто отрицательное, но все-таки нечто: оно представляет собой чистое чередование бытия и ничто. Иметь перед собой мышление в непосредственности, внешности, вот что такое время;

⁴ Фразе „Die abstrakte Veränderung, daß etwas unmittelbar nicht ist, indem es ist, und umgekehrt, macht die Zeit aus“ можно перевести и по-другому. Все зависит от того, как понимать союз *indem*. В отечественной традиции переводов Гегеля (см.: (Hegel, 1975, 52)) этот союз понимается как указание одновременности событий. В таком случае при переводе он опускается, а глагол приобретает форму деепричастия: вместо «есть (*ist*)» и «не есть (*nicht ist*)» употребляются «существуя» и «не существуя»: «Абстрактное изменение, [закрывающееся в том,] что нечто непосредственным образом, существуя, не существует, — время». Однако тот же союз может пониматься и как указание на способ действия (в данном случае способ существования). Тогда его можно заменить словами «через» или «посредством». Второй вариант перевода представляется более предпочтительным, поскольку речь так или иначе идет о том, чем бытие времени отличается от бытия пространства. Это различие не может заключаться в одновременности существования: как время, существуя, не существует, так и моменты пространства сосуществуют друг с другом. Акцент, скорее, делается на том, что время существует через несуществование и, наоборот, не существует, через существование, тогда как пространство существует иначе. В обоих конспектах эта конструкция встречается неоднократно, поэтому в каждом случае в сноске дается второй вариант перевода. — Прим. пер.

бытие есть иное, иное также есть бытие, есть мышление. В созерцании иное есть нечто совершенно частное по отношению к прошедшему и равным образом снимается заново. В мышлении различия полагаются как общие, в созерцании — как частные.

Непосредственное чередование бытия и небытия обуславливает то, что время труднодостижимо.

Время выше пространства. Идеализировать всякую индифферентность, [всякое] многообразие — это свершение Я, духа; время есть то же самое, та же самая идеальность и отрицательность, только еще в непосредственной, абстрактной внешности; это абсолютное беспокойство, изменение как таковое. Время есть деятельность: самосознание, изолированное в себе самом; время есть внутри-себя-бытие, которое всегда уже утратило самое себя.

Время столь же непрерывно, как и пространство. Различные «здесь» являются неразличимыми в пространстве. Ограничения в пространстве не отрицают его; это тождество различий составляет непрерывность пространства. [Напротив], во времени внешность внутри-себя-бытия неразличима следующим образом: когда я произношу «теперь», его уже нет, тем самым не полагается никакого разрыва. [Налицо] этот поток, это равенство [моментов] «теперь», такое, что каждый [момент] себя снимает, порождая другой [момент]. Это тождество [моментов «теперь»] составляет непрерывность времени. Границы времени устанавливаются только посредством физических определений, которые сами не прерывают течение времени, как такового.

Нельзя представлять время как чередование бытия и небытия. Бытие и небытие не сменяют друг друга так, чтобы моменты следовали друг за другом; эти моменты [бытия и небытия] не существуют во времени, они одинаково непосредственны. Если что-то следует друг за другом, то это моменты «теперь», а именно такое бытие, которое не есть, посредством того, что оно есть⁵, — единство бытия и небытия. Эти [«теперь»] полагают себя как тотальность, но как тотальность отрицательности. Это такие тотальности, которые, стало быть, себя исключают; единство — исключаящее [начало], для себя в противоположность другим — само [при этом] положено в своей противоположной форме, оно еще не имеет дальнейшего содержания. Позиция [момента «теперь»] есть непосредственно его отрицание; друг за другом следуют только «теперь», только сущие, которые равным образом суть не-сущие.

---

⁵ Концовку высказывания „...ein solches Sein, das nicht ist, indem es ist“ можно перевести по-другому: «...такое бытие, которое, существуя, не существует». — *Прим. пер.*

Эти «теперь» следуют друг за другом непрерывно. Одно является тем же, чем является другое, здесь отсутствует какое-либо различие; и только через физическое определение во время входит различие. Это равенство, континуальность времени, прехождение, которое одновременно есть продолжающееся возникновение.

§ 202. Измерения времени — настоящее, будущее, прошлое. Они-то и являются становлением. Если мы начнем с позитивного бытия, то последнее обращается в небытие, и это обращенное таким образом бытие есть прошлое.

Дух же существует посредством небытия. Его бытие равным образом имеет определение — не существовать. Если же рассмотреть небытие, в которое обращается бытие, то мы получим определение будущего. Ничто, которое предопределено к обращению в бытие, есть будущее.

Достаточно трудно зафиксировать эти совершенно простые, абстрактные определения; рассудок удерживает обособленными друг от друга абстракции бытия и небытия. Их истиной является становление.

«Теперь» проходит, т. е. оно [пред]определено к тому, чтобы не быть. Некоторое небытие [пред]определено к тому, чтобы занять его место, точно так же, как и оно [однажды] заняло место некоторого небытия. Другое [небытие], которое пока еще есть только небытие, занимает его место, — это будущее.

Прошедшее и будущее объединены в «теперь», которое не является покоящимся, но представляет собой переход нечто в ничто и ничто в нечто, единство обоих движений.

Само «теперь» — это только процесс, в котором прошедшее и будущее сливаются воедино. Это как раз таки и есть процесс исчезновения и возникновения.

[Примечание. 1)] Во времени мы наблюдаем абсолютную диалектику, в ее исконном, непосредственном облике, еще не как мышление.

Итак, в общем и целом время представляет собой этот процесс обращения бытия в ничто, диалектику чувственного. В этом определении, однако, различие определено следующим образом: [как различие] бытия и небытия и наоборот; так возникает будущее и прошлое. Само время есть единство бытия и ничто, точнее — взаимное обращение одного в другое, определенное согласно обоим направлениям. «Теперь» существует только постольку, поскольку оно заключает в себе и то, и другое. Будущее и прошлое разделены в мышлении, в природе же существует только «теперь». Мы сохраняем прошлое и будущее в нашем представлении, время же есть могила происходящего. Дух воскрешает его и вновь вызывает к жизни.

Будучи тотальностью обоих направлений и, следовательно, [чем-то] единственно позитивным, это «теперь» настоящего само двойственно. Оно само является этой тотальностью, но представляет собой нечто решительно преходящее; между тем как я имею его перед глазами, оно уже исчезло в самом своем существовании. Оно само непосредственно исчезает. То же, чему в высшем смысле можно приписать «теперь», есть только всеобщее «теперь», второе [«теперь»].

Эта всеобщность «теперь», когда мы ее рассматриваем, составляет непрерывность времени; но всеобщее, как всеобщность [взятая] для себя, противопоставляется исчезающему «теперь».

Итак, «теперь» как всеобщее есть то, что мы называем длительностью: [а именно,] некоторое наличествование; противоположное времени есть длительность, она есть всеобщее, она наличествует. Это всеобщее во времени, эта снятость процесса составляет длительность. Вещи, не причастные длительности, возникают и проходят во времени, [которое] представляется в качестве *resertaculum*⁶ для вещей, которые в нем происходят, — подобно чему рассматривается и пространство. Посему люди и во внешнем отношении склонны мнить возникновение и гибель чем-то [сущим] для себя, — чем-то, что имело бы место только во времени. С одной стороны, это верно. То, что изменяется, есть нечто конкретное, определенное и вследствие этого отличное от времени, будучи другим содержанием его самого.

Но в силу этого они не являются чем-то внешним по отношению к самим себе. Вещи изменяются, и само это изменение, взятое абстрактно, есть время. Следовательно, не существует изменения вне времени. Все вещи, подверженные изменению, являются временными. Само изменение временно, а не только происходит во времени.

Поскольку же вещи не изменяются, они являются вневременными, они длятся. Где нет изменения, там нет и времени.

Хоть вещи и длятся, но время все же проходит. Здесь оно снова предстает как нечто независимое, отличное от вещей. Другими словами, если эти вещи и длятся, то все же имеет место изменение. Последнее, однако, не присуще этим вещам, [т. е. тем, которые делятся], оно проявляется иначе. Изменение — это не их изменение, но [есть] нечто от них отличное. Но поскольку изменение все же имеет место, как, например, в движении солнца по небосводу, то существует и время.

---

⁶ Вместителище (лат.). — *Прим. пер.*

Итак, в этом состоит вневременность вещей, которые не подвержены изменениям.

Однако длительность конечных вещей является временной, все конечные вещи являются временными; поскольку они конечны, они подвержены изменениям. Их длительность есть лишь нечто относительное; абсолютная вневременность отлична от длительности, это вечность.

Природное время не причастно вечности, понятие же времени само вечно. Вечность есть абсолютное настоящее, она существует в идее, разуме, всеобщем. Роды как идеи вечны, ибо они суть процесс в себе самих. Вечность есть истинно бесконечная длительность, [оно есть нечто] рефлексированное в самом себе, [отнюдь] не относительная длительность. Идея, закон суть нечто вечное. Они вступают во время со стороны явления; поскольку же они суть только моменты, [их] самостоятельность [во времени] — ложная, подверженная изменению. Однако рассмотренные с точки зрения понятия, они демонстрируют согласие друг с другом, ибо истина лежит в примирении.

2) Существует наука о пространстве, но не существует науки о времени. Здесь не имеет смысла привлекать хронологию, она [рассматривает] время только в отношении [тех или иных] происшествий, но не время как таковое. Дни, года, столетия повторяются, эти определенные кванты [времени] хронология рассматривает в отношении известных событий. Она не является наукой о времени как таковом. [Такая наука] должна была бы рассматривать время, взятое для себя, безотносительно к наполнению времени, подобно тому, как геометрия рассматривает пространство безотносительно к его наполнению.

Времени, в отличие от пространства, чужды фигурации. В пространстве различия обнаруживаются как самосущие: линия, плоскость, поверхность суть отрицания, определения пространства. Пространство воспринимает определение и сохраняет себя в себе; во времени же имеет место абсолютное беспокойство: то, что есть, не есть как раз посредством того, что оно есть⁷; это огонь, в котором всякое различие тут же себя поглощает. То, что сейчас положено, непосредственным образом больше не существует. Здесь не стоит и думать о простирации и фигуративности. Время есть само себя уничтожающее различие, различие, сопряженное исключительно с самим собой, следовательно, [оно есть] непосредственным образом снятие различаемого, бытие, представляющее собой само-снятие различия.

---

⁷ Альтернативный вариант перевода выражения „...was ist, ist nicht, indem es ist“: «...то, что, существуя, не существует». — *Прим. пер.*

Геометрия противостоит арифметике, [тем не менее,] она ей соответствует. — Успокоенное время, беспокойство времени в себе есть для-себя-бытие.

Мертвое для-себя-бытие есть единица. Эта мертвая единица, высшая внешность, есть нечто покоящееся, посредством чего может быть положено все что угодно; так возникают числа, в которых присутствуют фигурации единицы. Все это составляет предмет арифметики. Здесь, следовательно, принцип времени парализован; к покоящейся единице добавляется еще одна, которая, будучи присовокупленной к другим полаганиям, порождает [различные] фигурации. Поэтому и говорят, что арифметика аналитична, т. е. [в ней] имеют место только такие связи, которые установлены мной [самим] и которые не имеют никакого другого содержания, помимо того, что они установлены мной [самим].

3) Математика есть, собственно, определение величины. В учении о движении, [кинематике,] время обсуждается в отношении пространства.

4) Метод математики принадлежит к [учению о] способе конечного познания. Можно было бы подумать о возможности создания некоей философской математики, через мысленное определение различий в ряде случаев. Как рассудочное познание, математика исходит из данных рассудочных определений. Делается вывод: если имеется такое-то определение, иное должно определяться так-то и так-то; таков своеобразный подход математики, который следует отдать ей на откуп, поскольку он отличительным образом делает ее способной, не нуждаясь в примешивании чего-либо гетерогенного, совершенно последовательно продвигаться вперед. Рассудочное познание наслаждается таким образом самим собой, а последовательное, логичное продвижение вперед составляет другой [его] интерес. Здесь не встречается никаких гетерогенных принципов, хотя порядок следования непосредственным образом является случайным, а [само] следствие не представлено. Чтобы сделать математику философской [наукой], нужно было бы преобразовать чувственное в мысли, последние же должны быть представлены в самой стихии мышления. Это вполне возможно, но было бы делом трудным и неблагодарным, так как пространство и время как высшая внешность должны были бы быть втиснуты в мышление.

[Издавна] считалось, что фигурации геометрии и арифметики суть подходящие символы идей. Пифагорейцы философствовали числами, считая число сущностью вещей.

Также масоны имели весьма глубокие познания, воспринятые и представленные в математических фигурах как символах. В подобных фигурах, таким образом, ищут нечто очень глубокое.

Кажется вполне естественным использовать круг как образ вечности или треугольник как символ божества. Вот и пифагорейцы обнаружили абсолютное тождество в монаде, абстрактную мысль о различии — в двоице, а единство различия и единства — в троице. Таковы аналогии. Когда мы представляем моменты божества в виде треугольника, мы схватываем их согласно чисто внешнему определению числа, — таков бездумнейший⁸ способ постижения идеи, наиболее внешний способ обозначения идеи. Этот способ, вероятно, может напомнить нам об идее, но все же он есть не более чем внешнее напоминание. Троица содержит единицу и *двоицу*, и таким образом идея божества, абсолютное, содержит единство и двоичность. Однако «второе» и «первое» связаны друг с другом в числе «три» совершенно внешним образом. Природа же идеи есть как раз внутреннее единство. Итак, данный способ представления идеи есть наихудший из возможных; здесь имеется композиция, но отсутствуют элементы идеи.

То, что Пифагор начал философствовать числами, стало огромным шагом вперед в преодолении чувственного. Древние рассматривали в качестве истинного [бытия] воду, солнце и иное чувственно воспринимаемое. В монаде Пифагор уже достиг на абстрактном уровне снятия внешности в мышлении; числа находятся между чувственным как таковым и свободным, духовным самосознанием. Числа являют собой важный прогресс, но желать снова войти в ту же реку, было бы весьма опрометчивым. Истинной стихией мышления является сама мысль, а ее релевантным признаком, подлинно достойным ее, служит язык.

Теперь следует рассмотреть переход от времени и [пространства к] материи, а также взаимосвязь, имеющуюся между тем и другим. Мы начинали с материи, рассматривая пространство и время как ее формы. Разумеется, материя есть нечто субстанциальное, реальное в отличие от пространства и времени. Однако в непосредственности внешности пространство и время — первое, и следует показать, каким образом материя составляет их истину. Итак, это то же самое, как если бы мы начинали с материи, которая есть уже нечто конкретное.

Переход от пространства и времени к материи является абсолютно спекулятивным, это такая взаимосвязь, которая либо вообще незаметна для нашего представления либо ему противоречит. Следует познать необходимость их

---

⁸ В оригинале используется слово *gedankenlos*. Насколько можно судить, имеется в виду, что способ постижения идеи недостаточно соответствует стихии мышления, является как бы без-мысленным, лишенными мысли. — *Прим. пер.*

отношения друг к другу. Это познание их единства, причем такого, в котором пространство и время сами становятся тем, что есть материя.

Что пространство и время себя снимают, [что] наполнение привходит в них не внешним образом, что они сами делают себя реальностью, — это следует показать [в дальнейшем] (§ 203).

§ 203. В представлении пространство и время индифферентны по отношению друг к другу, суть голая разность. Однако уже было показано, что они не просто не одинаковы. Пространство, представленное для себя как отрицание, есть время. Пространство есть непосредственно объективное, время — субъективное.

То и другое вместе составляют идею. Принцип отрицательного единства есть время. Реальность, объективность, [а именно то,] что различие, существующее идеально в понятии, является здесь внешним, составляет определенность пространства. И то и другое вместе составляют идею, но эта идея — еще только наша мысль; они [пространство и время] еще не объединены.

Целое же, эта идея, есть истинное, которым они [пространство и время] должны сделаться для себя самих согласно их определению, а не просто в нашем мышлении, в которое они должны вернуться. Пространство само [для себя] есть ничто, однако отрицательность, которой оно является в себе самом, кажет себя как нечто особенное по отношению к нему, как время. Пространство есть противоречие индифферентной экстерности (внеположенности, *Außereinander*) одного по отношению к другому и неразличимой непрерывности. Все имеет свое пространство, [существует] индифферентно наряду друг с другом [в] пространстве. Точки пространства таковы, что одна является тем же, что и другая, между ними нет никакой разности. Это отрицательное, это противоречие положено в отрицании различного. Каждое положено идентично со своей противоположностью. Таким образом, пространство есть чистая отрицательность себя самого, или переход во время.

Недостаток пространства состоит в том, что отрицательность в его понятии не положена в нем самом.

Поэтому следует сделать так, чтобы оно [пространство] было положено также и как эта отрицательность его самого. Именно эта отрицательность является его существенным определением, но она еще не положена в нем. Отрицательность, положенная в пространстве, есть одновременно индифферентное бытие-вне-друг-друга, парализованная, скованная отрицательность, которая еще не достигает своей цели в пространстве; ибо точки, в качестве которой оно должно было бы существовать, нет.

Пространство есть сама эта отрицательность в его понятии. Она, таким образом, должна быть не чем иным, как самим пространством. Время не кажет себя в самом пространстве, как таковом; в самом пространстве, как таковом, должна проступать отрицательность, оно должно быть положено временным образом, чтобы соответствовать своему понятию, чтобы его определение проистекало из него самого.

Такова диалектика пространства. Другое дело — диалектика времени. Время, взятое как оно есть, также есть нечто неистинное; оно не есть то, чем оно должно быть согласно своему понятию. Время — это совершенно абстрактное бытие, которое посредством того, что оно есть, не есть, и наоборот⁹, так что одно исключает другое. Время есть созерцаемое, [от] самого себя вне себя исходящее внутри-себя-бытие, выходящая за свои пределы отрицательность. Как единство этих абстрактных моментов, где один совершенно уничтожается в другом, время еще не положено как то, что оно есть в себе. Оно должно быть уничтожением, самоснятием противоположных моментов; если им надлежит быть снятыми, то они должны фактически сбываться в бытии [*zu einem Sein kommen*], прийти к некоторой экстериорности (внеположенности, *Außeinander*) одного по отношению к другому; однако они не таковы, какими они проступают во времени, но представляет собой лишь нечто непосредственно обращенное. Чтобы быть снятыми, [эти моменты] должны воспринять индифферентность бытия. Во времени нет какой-либо устойчивости, какой-либо паузы, какого-либо покоя — ничего, что могло бы быть снято. Это недостаток времени. Чтобы была возможность для отрицания, должно быть нечто утвердительное. Во времени же бытие есть равным образом небытие, [налицо] чистая, абстрактная противоположность. Тут не хватает различия.

В пространстве отрицательность [еще] не пришла к наличному бытию, время же есть лишь чистое поглощение и к тому же не имеет сущности. Поглощение, свойственное времени, не имеет ничего, что позволило бы себя истощить; то, что в нем как таковом есть, как раз таки не *есть*, не имеет [никакого] статически-индифферентного определения. Для времени характерно, что нечто возникает или уничтожается. Нечто позитивное, некое неопределенное нечто сокрыто в понятии времени; то, каким образом время есть, еще не положено в нем.

---

⁹ Альтернативный перевод „Die Zeit ist ein ganz abstraktes Sein, das, indem es ist, nicht ist und umgekehrt...“: «Время — это совершенно абстрактное бытие, которое, существуя, не существует, и наоборот». — *Прим. пер.*

Таким образом, то, что содержится в его понятии, должно существовать и как индифферентность, разность, а последняя должна иметь различия, которые в ней не положены, но обнаруживаются во времени. Таково различие между понятием и положенностью пространства и времени, [своего рода] внутренний недостаток.

[То, о чем можно сказать,] что они положены как существующие согласно своему понятию, — это материя и движение. И то и другое есть одно и то же; разность между ними заключается лишь в том, что материя — это истина пространственного и временного [бытия], положенная простым, непосредственным, покоящимся образом, в определении самого пространства. Движение есть то же самое, однако [его] результат не положен в форме непосредственности, пространства, но [в форме] процесса, времени.

Истина пространства в том, что оно соответствует своему понятию, в нем полагается отрицательность, которую оно содержит [в себе]; то же самое имеет место в случае времени: в нем полагается нечто такое, что снимает себя.

Когда во времени полагается определение пространства, то понятие времени оказывается дополненным, и наоборот, понятие пространства [оказывается дополненным] через прибавление понятия времени. Итак, дополняя друг друга, они составляют «одно».

Пространство и время, положенные друг посредством друга, составляют единство, в рамках которого понятие достигает своего наличного бытия; в силу этого они суть одно и то же.

Таким образом, наличное бытие имеет две формы: материю и движение.

То, что здесь представлено как недостаток времени, в § рассматривается как результат перехода на другую сторону понятия.

Время есть переход в пространство, так же как и пространство есть переход во время. Так мы представляем то, во что осуществляется переход, как иное в отношении того, из чего он осуществляется. В понятии же содержится и то, и другое.

Поскольку же оно [т. е. иное] еще не положено, то и наличное бытие остается неполноценным по отношению к своему понятию.

Итак, наш результат — единство пространства и времени, и теперь следует рассмотреть прежде всего то, как он выглядит, чем он является в созерцании.

В понятии пространства заложен принцип времени, но еще не положен в нем, — и наоборот; единство обоих выражает только истину их понятия, а это есть, во-первых, материя и, во-вторых, движение.

Сначала следует рассмотреть наше представление о материи и сравнить [его] с нашим понятием о материи, [рассмотреть], как результат понятия выражается в нашем представлении.

ДОРАБОТАННЫЙ КОНСПЕКТ U

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

МЕХАНИКА

Поскольку природа находится во внешности, она труднее всего поддается понятию. Для обретения здесь твердой почвы под ногами и полной определенности следует почаще размышлять. Итак, в механике мы имеем: 1) пространство и время, 2) их отношение друг к другу — материю и движение, 3) абсолютную механику, где материя и движение существуют в абсолютном тождестве — в качестве небесных тел.

1) ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ

Итак, мы начинаем с внешности; первоначально она является абстрактной внешностью. Говорить о конкретном можно, только начиная с материи, где внешность полагается как идеальное. Эта абстракция вне-себя-бытия распадается на две формы бытия-внешним, которыми являются пространство и время. Различие должно повсеместно присутствовать как момент понятия и идеи. Существуя в сфере всецело абстрактного вне-себя-бытия, различие может быть только весьма индифферентным различием. Таким образом, две формы вне-себя-бытия являются той двойственностью, которая различается в нашем представлении. Первая [форма] есть совершенно индифферентное вне-себя-бытие, другими словами, бытие, покой; вторая — вне-себя-бытие в его отрицательности, иначе говоря, становление. Собственная диалектика пространства превращает его во время; разделение на пространство и время принадлежит [лишь] нашему знанию; имманентный переход состоит в том, что пространство само себя полагает как время. Мы начинаем здесь вообще с природы и можем позабыть обо всем, что было сказано по поводу нее ранее. Собственное начало должно быть для себя. В отношении этого имманентного начала мы не нуждаемся в том, чтобы знать еще что-то, кроме того, что мы рассматриваем природу, а также того, в какой определенности существует в этой природе идея. — Идея

есть конкретное определение, [тогда как] здесь, в начале, мы пока полностью погружены в абстракцию. Итак, первое, вне-себя-бытие, всецело абстрактно. Оно является лишенной опосредования индифферентностью, которая-то и есть пространство. Пространство — первое, что мы встречаем в нашем наблюдении природы; однако в нашем ощущении пространство не является первым; здесь мы всегда имеем в качестве предмета нечто конкретное. — Особенность пространства состоит в бытии-внешним по отношению к себе и при этом всецело абстрактным образом. Опрашивая наше представление [на предмет того], что такое пространство, мы понимаем, что оно есть вообще экстериорность (внеположенность, *Außereinander*) одного по отношению к другому: здесь, здесь и здесь. Все [эти «здесь»] имеют место наряду друг с другом, при этом не соприкасаясь друг с другом. Иначе обстоит дело с моментами времени; они не сосуществуют друг с другом. Там, где мы полагаем «здесь», это «здесь» является внешним по отношению к самому себе; у него есть верх и низ, право и лево, все это тоже различные «здесь». То, что не было бы больше внешним в себе самом, было бы точкой, но ее не существует, она есть голая абстракция. Далее, эта внешность совершенно абстрактна; [здесь] еще нет каких-либо определенных различий. Мы не можем сказать, чем одно «здесь» отличалось бы от другого. «Здесь» совершенно не соприкасаются друг с другом. Древний диалектический тезис Зенона [гласит]: «Летящая стрела покоится». В нем зафиксировано мыслимое определение, и тем самым это кажущееся противоречие высказано. Летящая стрела находится здесь, потом здесь и т. д. Различные места, которые мы называем, именуется нами единообразно «здесь», различаются они лишь в нашем представлении. Стрела всегда «здесь», что означает как раз, что она покоится. Когда желают точно различить, движется ли нечто и что [именно] движется, не обойтись без конкретного пространства, [а также] без совершенно иных определений, нежели исключительно пространственные. Это совершенно пустое различие является всецело идеальным сосуществованием (§ 197). Здесь [имеется] другой момент — абсолютная непрерывность. Нет никакого прерывания. Когда мы ведем речь о точках, мы представляем себе их разъединенность, но между точками пространства нет непространственности. Следовательно, в пространстве нет разрывов, нет разрывов такого рода. Точка имеет смысл лишь постольку, поскольку она пространственна, есть нечто вне-себя. Одна точка является вне-себя-бытием точно так же, как и другая, и таким образом они неразделимы, неразличимы. Это то, [что составляет] непрерывность, единство в экстериорности (внеположенности, *Außereinander*) одного по отношению к другому. Два этих противоположных определения, ко-

торые содержатся в пространстве, составляют его понятие: абсолютная внешность и индифферентность относительно друг друга и одновременно полное единство. В этом и состоит полностью определенное, истинное, объективное понятие пространства. Все прочие содержатся в нем. — Так, например, у нас на слуху [выражение] «абсолютное пространство». Под ним подразумевается не что иное, как абстракция пространства как такового. Зачастую «абсолютное» не имеет другого значения, кроме как просто абстрактное. Относительное пространство — нечто намного более истинное, нежели абсолютное пространство, которое не может существовать для себя. Истина пространства состоит в том, чтобы быть материально наполненным или существовать в качестве относительного пространства. [В рассуждениях] о пространстве нам могут прийти на ум другие рефлексивные определения. Главный вопрос прежней космологии состоял в том, является ли пространство чем-то для себя реальным или же оно есть лишь свойство вещей или же, наконец, только нечто субъективное. Если эти определения сравнивают с представлением и говорят, например, что пространство есть нечто реальное, для себя субстанциальное, тогда оно должно быть для себя существующим (неким сущим) и должно как-то относиться ко всему прочему. Между тем, мы замечаем, что пространство является абсолютно податливым, не вызывает никакого сопротивления, что характерно для реального. Пространство есть нечто совершенно податливое, никак нельзя указать на пространство, которое существовало бы для себя. Оно никогда и не является для себя, [будучи в этом явлении] отличным от иного. Далее, если говорят, что пространство есть свойство, порядок вещей, как утверждает Лейбниц, [есть нечто такое], что имеет своим носителем сами вещи, то мы обнаружим, что, если убрать все вещи, пространство тем не менее останется; следовательно, оно существует также независимо от вещей. — Наконец, говорят: пространство вообще не является чем-то противостоящим по отношению к нам, что оно неотлично от нашего субъективного представления. Мы создаем пространство посредством того, что экстерииоризируем наше ощущение, [полагаем его вовне нас самих]; это точка зрения субъективного идеализма. Нас данный вопрос вообще не касается, так как здесь речь идет не о противоположности духа и природы. Мы возвысились здесь над точкой зрения противоположности субъективности и объективности. Дух в себе и для себя таков, что полагает природу вне себя, но это не дух в своем произволе. — Пространство, как отмечалось, не есть нечто реальное, как, например, производящая сопротивление материя, но представляет собой абстракцию или же, как выражается Кант, всего лишь форму; при этом оно есть нечто чувственное, экстерииор-

ность (внеположенность, *Außereinander*) одного по отношению к другому вообще. — Впрочем, не следует считать природу более возвышенной, чем дух, не следует также полагать, что только ему присущи абстракции. — Субъективно ли пространство или объективно, в любом случае вставал бы вопрос: что же оно такое по сути. Можно сказать, следует благодарить Бога за то, что пространство вне нас, что оно, как нечто совершенно чувственное, не есть мы сами. В духе как таковом нет пространства. — Кроме того, часто пользуются точками пространства и рассматривают их как самостоятельное основание пространства; математика бесконечных величин часто прибегает к такому представлению. Как мы видим, пространство является этим неделимым, этой внешностью; если мы зафиксируем эту внешность, это исключающее [начало], мы получим бесконечное множество атомов пространства; другой момент — это момент неразличимости экстериторности (внеположенности, *Außereinander*) одного по отношению к другому, непрерывность пространства. Точно так же обстоит дело с вопросом о том, является ли пространство ограниченным или нет; обе альтернативы суть лишь возможности. Пространство делимо повсюду, везде можно полагать ему границы, но все эти ограничения — лишь возможное. Сходным образом дело обстоит с противоположным, [так как] всегда можно выйти за пределы любого определения. — Таким образом, как делимость, так и неделимость пространства есть только возможность. Природа начинается с количественного, а не с качественного (см.: Примечание).

§198. В геометрии выделяются измерения пространства; также предполагается, что существуют точки, линии и т. д. В философии же существует требование, рассматривать такие определения в их необходимости. Геометрия не занимается подобным рассмотрением. — Пространство как понятие имеет свои различия в самом себе. Понятие есть единство различий, понятие пространства есть единство экстериторности (внеположенности, *Außereinander*) и не-экстериторности (внутриположенности, *Nichtaußereinander*) одного по отношению к другому, непрерывного. Там, где у нас есть пространство, оба эти момента являются неразделимыми; но различие тоже имеет место. Первоначально это различие существует только в нашей мысли. Что в нашем мышлении, то и в явлении. Первое: в пространстве вообще существует различие; эта первая, индифферентная разность дает то, что называют измерениями. — Понятие проявляется здесь исключительно формальным, неопределенным образом; как известно, понятие имеет три определения. В пространстве [их] тоже три, но при этом [они существуют] так, что мы их можем только перечислить. Первое различие есть непосредственное, неопределенное различие. Три измерения

различны только по числу, но не как-либо иначе. В действительности нельзя различить высоту, длину и ширину. Хотя в случае высоты мы имеем определенное направление, но то, что называют высотой, называют также и глубиной; это определенное направление, которое задается центром Земли, принадлежит, между тем, уже физической [системе координат]. Высота камня, перевернутого на другой бок, становится длиной или шириной — равным образом дело обстоит с правым и левым. Здесь мы имеем дело с физическими определениями, через которые манифестирует себя различие. Может показаться странным, что здесь мы имеем различие, о котором вообще нельзя сказать, в чем оно состоит. Однако различие не может оставаться в состоянии этой неопределенности.

§199. Это существенно более определенное, качественное различие. — Эта определенность для самой себя есть «одно»; отрицательность, относящаяся к самой себе, и есть само мышление определенности. Это для-себя-бытие в пространстве есть то, что мы называем точкой. Это «одно», для-себя-бытие, противоречит природе пространства и является внешним; собственно говоря, точка не встраивается в пространство. Как известно, точку в принципе нельзя показать; она есть только логически существующая граница и отрицание самого пространства, которое является неразличимым вне-себя-бытием, что составляет его непрерывность. Точка, таким образом, должна быть определенностью пространства, и только поэтому мы называем это «одно» точкой. Возникает противоречие: [имеется] непространственное для-себя-бытие и все же одновременно требуется определенность для пространства. Точка находится в отношении к пространству и есть сама нечто пространственное. Что точка есть противоречие, хорошо знали скептики и показывали это. Считается абсолютно излишним демонстрировать это противоречие в точке. По сущности существует лишь то, что составляет природу вещи, должно быть также и различным. Возникает вопрос: как существует это противоречие? Разрешение противоречия есть нечто отличное от точки, и это нечто есть линия. Этот ход может показаться удивительным только тому, кто не знаком с природой понятия и с диалектическим развитием. — Говорят также, что линия возникает через движение точки; если мы абстрагируемся от не принадлежащего сюда определения времени, то это означает не что иное, как то, что точка прекращает быть точкой и становится чем-то протяженным. Линия есть истина точки, результат ее противоречия. Абстрактное для-себя-бытие «одного», [а именно] точки, снято в линии; в ней получена граница вообще. Линия есть первая положительная граница в пространстве; точка как таковая еще не есть нечто положенное, [есть] то, что только должно быть. — Линия переходит в плоскость, ко-

торая является снятой линией. Говорят также, что плоскость возникает, когда движется линия. Относительно движения [линии] можно сказать то же самое, что было сказано относительно движения точки. Плоскость имеет два измерения, так как она содержит в себе два определения. Эти два измерения можно обозначить как длину, ширину и высоту, если угодно. С одной стороны, плоскость есть отрицание отрицания, особенное по сравнению с линией, и таким образом она сама есть граница пространства. Согласно ее истинному понятию, плоскость есть отрицание отрицания и тем самым тотальность; следовательно, по своему существу, плоскость есть поверхность. — Здесь мы имеем то, что называют геометрическим телом: «одно», но не абстрактное «одно» точки, а такое, которое одновременно содержит в себе три измерения. — Линия не состоит из точек, точки можно полагать повсеместно, но все это будут лишь точки. Точно так же плоскость не состоит из линий, скорее она есть из-себя-исхождение, становление-иным линии. — Можно, наоборот, начать с рассмотрения плоскости и отсюда перейти к точке. — Можно задаться вопросом: что есть то, что геометрия рассматривает в пространстве? Отвечают: она рассматривает свойства пространства; это, правда, слишком неопределенно, [ведь] истинные свойства пространства определены посредством понятия пространства. — Геометрическая наука должна сперва рассматривать нечто закономерное, т.е. такое, что уже имеет равенство в себе самом; лишенное закономерности либо вообще не дает какого-либо научного рассмотрения, либо должно быть редуцировано к закономерности. Закономерность есть лишь внешняя идентичность. Это может быть рассмотрено двояко. Относительно строимых фигур сперва указываются дефиниции, простые определения. — Другая сторона, которая и составляет собственный интерес науки, заключается в рассмотрении того, каким образом фигуры, которые первоначально суть [нечто] просто определенное, ведут себя как в себе различные. Это составляет предмет теорий вообще. Есть теории, которые более или менее полны, т.е. таковы, что полная определенность фигуры в них выражена или же нет. Общеизвестно, что в элементарной геометрии начинают с равенства треугольников. Простое здесь является тем, что дано [нам] относительно треугольника, это такое отношение, что, если определены несколько его составляющих, определено и все остальное. Это «все остальное» есть одновременно избыток. В этих суждениях мы имеем определение еще совершенно абстрактно. Зависимость одной части от другой здесь только выражена. Отсутствует точная определенность того, насколько велика [та или иная часть]. Она [определенность] выполняется в отношении треугольников в пифагорейском учении. В прямоугольном треугольнике имеет место

абсолютная определенность. Если здесь определены две стороны, а угол между ними является прямым, определена и третья сторона. — Квадрат гипотенузы равен [сумме] квадратов катетов. Это абсолютная определенность. — То же имеет место в случае круга. Здесь также рассматривается различие в нем самом, через которое эксплицируется вся природа круга. Философское рассмотрение круга начинается там, где заканчивается геометрическое. Определение круга выражает не что иное, как отношение теоремы Пифагора. — Существует множество суждений о кругах; отдельные суждения не выражают всей природы определенности круга. — Теорема Пифагора есть весьма примечательная мысль, так как она выражает полную определенность треугольника. —

Прямая линия, говорит Евклид, есть кратчайшее расстояние между двумя точками. Это наиболее правильное определение. Возможно, оно не содержится в представлении. Можно также сказать, прямая линия есть простейшая линия между двумя точками.

§ 200. Вторая форма чувственного восприятия есть время. Не мы, но само пространство совершило переход, перешло во время. — Первоначально время есть отрицательное пространства: но не только отрицательное, а [сама] эта отрицательность, которую мы видели в пространстве в качестве для себя. Мы видим пространство как единство непрерывности и экстериторности (внеположенности, *Außereinander*) одного по отношению к другому. Мы видели, как полагается эта отрицательность, которая существует в пространстве. Это второе. Третье же — то, что эта отрицательность должна быть также для себя. Положенное в пространстве, отрицание наличествует способом индифферентного существования. Отрицание появляется здесь в качестве границы (линия, плоскость, поверхность). Однако тем самым определенность, отрицательность еще не достигают своей цели: отрицательность в качестве границы парализована в индифферентности пространственного существования. Недостаток пространства состоит в том, что в нем отрицательность не достигает своей цели; пространство представляет собой противоречие, оно должно обладать отрицательностью в самом себе, но этого не происходит, всякая отрицательность являет себя в нем в качестве сущего. Это [обретение пространством отрицательности в себе] происходит только во времени. Отрицание есть точно такой же сущностный момент, как и бытие. Самоснятие моментов пространства есть его [пространства] истина. Пространство самоуничтожается в собственной диалектике. Время есть его истина. Как уже было отмечено, точки не существуют; точка находится вне пространства, она есть отрицательное пространства; если эта отрицательность становится пространственной, она переходит в ли-

нию. Но именно во времени точка имеет свою действительность, если здесь вообще можно говорить о действительности. Таким образом, только время есть истинная точка. В нашем представлении пространство и время принципиально различны; мы привычно берем их вместе, помещаем в один класс, но только лишь посредством физического рассмотрения нам становятся понятна их подлинная взаимосвязь. — Мы можем назвать тогда время внутри-себя-бытием, поскольку оно появляется из пустого рассеивания вне-себя-бытия, которое [т.е. рассеивание] есть пространство. Однако это внутри-себя-бытие не является чистым, свободным внутри-себя-бытием, как внутри-себя-бытие самосознания, духа, но является все еще полностью чувственным или непосредственным. Внутри-себя-бытие есть единство различных определений; их идеальность, — т.е. время, которое выступает внутри-себя-бытием все еще в этой внешности, — существует таким образом, что ее различные определения не содержатся в этой идеальности, но являются одновременно внешними. Время, как говорится, является самым могущественным, но вместе с тем наиболее бессильным. В идеальности еще нет усмирения различий; [принцип] «Я=Я», напротив, есть успокоение. Время есть идеальность, отрицательное в природе; все существующее полагает его как не-существующее, но это не-существующее само есть беспокойное, неудовлетворенное и тем самым само себя непосредственным образом снимающее. —

§ 201. Итак, время есть отрицательное единство вне-себя-бытия: снятость вне-себя-бытия, которое также есть вне себя. Время вообще есть абстрактное становление в природе. Когда мы созерцаем абстрактное изменение, мы имеем дело с созерцанием времени. — Время — такая же абстракция, как и пространство: если говорят, что абстракций не существует, остается лишь созерцать пространство и время. — [То обстоятельство,] что пространство и время не могут оставаться такими абстрактными, есть именно то, что заложено в самой природе идеи, за пределы чего она сама поэтому выходит. — Время есть то, что есть, посредством того, что оно не есть, и не есть, посредством того, что есть¹⁰. Бытие непосредственно обращается в небытие и точно так же небытие — в бытие. Иное есть не только отрицательное [в отношении] чего-то, но также [определенное] «нечто». Таким образом, мы имеем одно только чистое чередование бытия и ничто; созерцание этого чередования, имение его перед собой в непосредственности, во внешности, — вот что такое время. Если я

¹⁰ Альтернативный перевод „Die Zeit ist dies, welches, indem es ist, nicht ist, und indem es nicht ist, ist“: «Время есть то, что, существуя, не существует и, не существуя, существует». — *Прим. пер.*

имею это [чередование] перед собой в мысли, это будет общим понятием изменения. В созерцании, напротив, такое бытие является всецело единичным, оно есть иное в сравнении с предшествующим и последующим, а также иное в сравнении с самим собой. — Время труднопостижимо; оно есть нечто всецело абстрактное, совершенно простое, а труднопостижимо оно лишь потому, что здесь надлежит удерживать вместе наивысшие абстракции. Время — все еще только форма, абстракция, еще не для-себя-бытие, которое пришло бы к своему истинному внутри-себя-бытию и обрело бы в нем покой, но лишь из-себя-выхождение внутри-себя-бытия. — Можно также определить время как субъективное, в противоположность пространству как объективному. Время выше или, скорее, намного ближе [к нам], чем пространство. Я, или самосознание, таково, что идеализирует всякую индифферентность, множественность; естественная склонность духа вообще состоит в этом идеализировании. Время есть это идеализирование, так же как и самосознание, в качестве внутри-себя-бытия, которое непосредственным образом есть утрата самого себя. — Непрерывность составляет существенный момент определения времени, как и [определения] пространства. — Не нужно представлять себе, что во времени полагалась бы последовательность бытия и небытия; это не два времени, бытие и небытие. То, что следует друг за другом, суть «теперь», такое бытие, которое, есть, посредством того, что не есть, и не есть, посредством того, что есть¹¹. «Теперь» есть исключяющее [начало] как в отношении бытия, так и в отношении небытия. Итак, друг за другом следуют только «теперь», только сущие, которые точно так же являются не-сущими. Эти «теперь» следуют друг за другом непрерывно, одно является тем же, чем и другое. Лишь через физическое, дальнейшее определение во время впервые входит различие. —

§ 202. Измерения времени. «Есть», оборачивающееся в «не-есть», — прошлое. Если зафиксировать небытие, в которое суждено обратиться [тому, что] «есть», мы получим будущее. Нет ни прошлого, ни будущего, есть лишь настоящее. — Непосредственное исчезновение одного в другом есть настоящее. — Все эти определения суть абстракции, поэтому их так трудно удержать. Только рас-судок удерживает обособленными друг от друга абстракции бытия и небытия, их истиной является становление, созерцание которого мы имеем во времени. Будущее и прошлое, разделяющиеся в представлении, объединены в «теперь»; это не покой, но, напротив, [постоянное движение]: нечто становится ничто,

¹¹ Альтернативный перевод выражения „... das sind die Jetzt, ein solches Sein, das nicht ist, indem es ist, und das ist, indem es nicht ist“: «...суть “теперь”, такое бытие, которое, существуя, не существует, и, не существуя, существует». — *Прим. пер.*

а ничто — нечто. «Теперь» не существует вне прошлого и будущего, но является лишь процессом совмещения их обоих в одном, процессом возникновения и уничтожения. — Схватывание времени требует постижения диалектики в ее наипростейшем, первоначальном виде. Следовательно, время вообще есть этот процесс бытия и ничто, их обращение друг в друга и созерцание этого обращения. В то же время, различие [бытия и ничто] определено таким образом, что мы имеем обращение бытия в ничто и ничто в бытие в [формах] прошлого и будущего. Точнее, само время есть обращение из бытия в небытие и из небытия в бытие. «Теперь» существует лишь постольку, поскольку оно содержит в себе оба [этих момента]. Будущее и прошлое разведены исключительно в первоначальном мышлении, в природе же существует только «теперь». История живет лишь в духе; все, что случилось — прошло; время есть могила того, что было, но дух сохраняет прошедшее. —

Поскольку только «теперь» является тотальностью, только оно есть [нечто] позитивное. Это «теперь», настоящее, само двойственно. Первоначально оно является полностью непосредственным и при этом преходящим. То, чему в высоком смысле может быть приписано «теперь», т. е. настоящее, о котором можно сказать: «оно есть», это второе «теперь» является лишь всеобщим. Эта всеобщность «теперь», когда мы ее созерцаем, производит момент непрерывности времени. Но всеобщность, [взятая] для себя, противоположна исчезающему «теперь». Когда мы представляем «теперь» как всеобщее, удерживаем его в наличном бытии, то мы имеем дело с длительностью; это такое существование, которое непосредственно противоположно времени. Мы говорим и знаем, что некоторые вещи длятся, другие — нет. Те, что не длятся, говорим мы, возникают во времени и гибнут во времени. Оно представляется вместилищем, где происходит то или иное. То, что изменяется, как говорят, связано в отношении его изменения с этим [представлением о вместилище], но это изменение происходит только во времени. С одной стороны, такое представление справедливо; изменяющееся, некоторым образом, конкретно и поэтому отлично от времени. Поэтому друг по отношению к другу они [изменение и время] не являются внешними; изменение самих вещей, понятое абстрактно, и есть само время. Следовательно, изменение в любом случае не существует вне времени. Все вещи, которые изменяются, временны, а изменение происходит не только во времени. Поскольку же вещи не изменяются, постольку они вневременны, они длятся. Там, где нет изменения, там нет и времени. — Можно, однако, обратить внимание на то, что, когда вещи длятся, время все же проходит. Если мы говорим так, это означает следующее: когда эти вещи длятся, имеет место

изменение; но оно не присуще самим этим вещам, оно проявляется в ином. Так, например, существует множество вещей, которым мы приписываем длительность, однако изменение все же имеет место, например, изменение в движении солнца. Мы говорим: это и есть время. — Длительность есть, таким образом, вневременность. Если бы все покоилось: и солнце стояло бы на месте, и наше представление в том числе [не претерпевало бы изменений], тогда бы оно [т. е. это все] длилось. — Однако все конечные вещи временны; поскольку они конечны, они подвержены изменению, а их длительность есть всецело лишь нечто относительное. Да и сама длительность есть лишь относительная вневременность. Напротив, абсолютная вневременность — это вечность. Мы можем назвать ее вневременной, она есть абсолютное настоящее и существует в идее, в разуме, во всеобщем вообще. Вечность есть бесконечная длительность, но не дурная бесконечная длительность, а отраженная в себе. Поэтому вечность испокон веков сравнивалась с кругом. Закон также есть нечто вечное, поскольку мы понимаем идею в этой форме [в форме закона]. В явлении определения идеи получают самостоятельность, но эта самостоятельность подвержена изменению. —

Нет науки о времени наряду с наукой о пространстве. Хотя хронология и является наукой о времени, но [она является наукой] о времени только в отношении событий, а не [наукой] о времени самом по себе. Когда упоминают «науку о времени», речь идет о такой науке, которая рассматривает время для себя и делает предметом [изучения] различия, имеющие место в нем. — Времени, в отличие от пространства, чужды фигурации. Пространство есть индифферентная экстериорность (внеположенность, *Außereinander*) одного по отношению к другому. Время же, напротив, как мы видим, есть это абсолютное беспокойство, этот огонь, в котором поглощается всякое определенное различие; то, что теперь положено, непосредственно [уже] не есть, только это и есть время. Геометрии противостоит арифметика, которая, тем не менее, соответствует геометрии. Успокоенное время, время, которое проваливается в себя, мертвое для-себя-бытие, есть «одно». Это мертвое «одно» способно на внешние комбинации, и это дает [начало] арифметике. Если здесь и должны возникнуть фигурации, то это происходит лишь посредством внешнего сложения единиц; им самим абсолютно безразлично, будут ли они сложены или нет. Арифметику называют аналитической, так как в ней присутствуют лишь такие связи, которые установлены мной [самим]. Напротив, когда в геометрии я провожу линии и появляется фигура, это дает [начало] последующим отношениям, постигаемым мною лишь в ходе дальнейшего рассмотрения.

Метод математики общеизвестен, подробности же содержатся в учении о способе конечного познания. Можно было бы подумать, что на место всякого конечного познания следует поставить философскую математику. В некотором смысле все это могло бы иметь место, математические отношения можно было бы вывести из мысли. Впрочем, математика в принципе является рассудочной наукой, которая имеет дело с таким абстрактным содержанием как пространство и число. Переходить от одной определенности к другой — есть, вообще, действие рассудка. Математика весьма примечательным образом артикулирует этот способ [действия] рассудка; она не нуждается в разнородных принципах, знаниях и т. д. и поэтому она может быть названа прекрасной наукой. — Самое интересное в математике — как раз это безынтересное, это рассудочное, последовательное продвижение вперед, не имеющее пауз. Почему суждения следуют так, а не иначе, само собой, не доказывается; целесообразность же всего порядка следования усматривается впервые лишь задним числом. Если математику захотели бы сделать философской, это означало бы как раз преобразование ее определений в мысли. Если хотят иметь науку о мышлении, то гораздо логичнее рассматривать мысли в их собственной стихии. Это было бы вполне возможно, но отыскание мыслей в таком неподатливом материале, каким является математика, являлось бы делом трудным и неблагодарным. — Впрочем, как известно, математические фигуры и числа уже использовались в качестве символов идеи (пифагорейцы). Также говорят, что масоны имели весьма глубокие знания о Боге и мире, представленные прежде всего в математических фигурах. Этим фигурам удивлялись и полагали, что в них заложено нечто очень глубокое. Прежде всего, разумеется, приходит в голову обычай рассматривать круг как символ вечности, а треугольник — как символ христианского Бога. Но то же можно сказать и относительно пифагорейского способа работы с числами. Они суть аналогии. Счет или репрезентация в виде некоторой [геометрической] фигуры моментов идеи и природы Бога — наихудшее, что можно сделать с последними. Внешний способ, о котором идет речь, может, пожалуй, напомнить нам об идее, однако такая фигура ничего не доказывает, [будучи лишь] внешним знаком вообще, да и сам этот [знак] может быть весьма не соразмерным в отношении предмета, который он представляет. Конкретный [пример]: в троице содержатся двоица и единица; они, между тем, соположены здесь совершенно внешним образом; в противоположность этому, природа идеи состоит как раз в неделимом, внутреннем единстве, и она в высшей степени деградирует посредством этого привнесения чувственного элемента. Пифагор начал философствовать числами, что стало огромным шагом [вперед], так

как тем самым было положено начало отходу от чувственного, непосредственного. — Числа располагаются [посередине] между чувственным как таковым и свободным мышлением. Поистине достойным обозначением мысли является только язык. —

[§ 203.] В представляющем [мышлении] мы говорим, что это пространство и время и они наполнены материей. Зачастую рассмотрение начинают с самой материи и тогда рассматривают пространство и время как ее формы. Правильно же [считать], что материя, разумеется, есть субстанциальное, реальное в пространстве и времени. Следует же показать, что истина пространства и времени — то, с чего следует начинать, — есть материя. Переход от пространства и времени к материи является совершенно спекулятивным, это такая взаимосвязь, которая либо вообще не появляется в нашем представлении, либо ему противоречит. — Трудность состоит в том, чтобы показать наполнение пространства и времени, выявить, что они сами таковы, что снимают свою абстракцию и становятся реальностью, которой-то и является материя. —

В рамках представления пространство и время индифферентны по отношению друг к другу. Различие в непосредственности есть вообще просто разность. То, что пространство и время не являются просто разными, мы уже видели. Пространство непосредственно объективно, а время непосредственно субъективно, вместе они составляют идею. К ней сущностно принадлежит субъективность, которую мы имеем здесь как время. Пространство и время появляются первоначально только в нашем сравнении, как то, что вместе составляет идею. Наиважнейшее же заключается в том, что идея не есть нечто, что мы имеем исключительно в себе. — Пространство есть то, что переходит во время. Пространство, как мы видим, есть противоречие индифферентной внешности — здесь, здесь и здесь — и неразличимой непрерывности. Точки пространства таковы, что одна является тем же, что и другая; таким образом, они вообще не [находятся] вне друг друга, между ними нет разности. Это противоречие есть пространство. — Положенное же пространство не является противоречием, но выглядит вполне пристойно. В этом-то и заключается недостаток пространства: не быть положенным так, как оно есть само по себе. Отрицательность, которая существует в его понятии, не положена в нем. В этом мы также имели возможность убедиться, когда говорили, что точка, отрицательность пространства, фактически не существует в нем. Эта отрицательность, положенная в пространстве, есть тем самым линия, т. е. отрицание, которое является индифферентной экстериторностью (внеположенностью, *Außereinander*) одного по отношению к другому, но не отрицательностью для себя. То, о чем

идет речь в отношении пространства, заключается в том, чтобы соотнесенная с собой отрицательность была также положена. Пространство в своем понятии само является этой отрицательностью и, таким образом, она не должна быть иным его самого [пространства], как это имеет место в случае со временем. Само пространство как таковое должно быть положено временно. — Такова диалектика пространства. Второе — это диалектика времени; в своем созерцании и представлении оно также является чем-то неподлинным, оно есть не то, что оно есть согласно своему понятию. — Мы видели, что время есть совершенно абстрактное бытие, которое есть, посредством того, что оно не есть¹²; время [есть], таким образом, выходящее в свое и выходящее за свои пределы внутри-себя-бытие, выходящая за свои пределы отрицательность. Из-за того, что время должно быть этим единством всецело абстрактных моментов, где один совершенно уничтожается в другом, оно еще не положено как то, что есть оно само по себе. Оно должно быть исчезновением различающихся моментов. Возможность их снятия означает, что фактически они сбываются в бытии [zu einem Sein kommen]. Однако, во времени они, однако, не являются непосредственными. Чтобы нечто могло быть снято или отрицаемо, оно должно иметь позитивное, утвердительное значение. В том, что мы видели во времени, нет устойчивости, нет индифферентности и вообще нет того, что может быть снято. Во времени бытие определено в самом себе таким образом, что оно непосредственно является также и небытием. Противоположному, которое существует во времени, вообще не хватает бытия. В этом вообще заключается недостаток времени. Оно есть то, что не имеет сущности, так как представляет собой только чистое поглощение; огонь нуждается в топливе, в элементе, который он уничтожает. Время не имеет того, что подлежит уничтожению, так как то, что является таковым в нем самом, не есть наличным. Нечто должно возникать, а что-то должно гибнуть. Это нечто первоначально не наличествует во времени, хотя оно и содержится в понятии времени. Таким образом, со временем дело обстоит так же, как и с пространством: в чувственном опыте оно положено не так, как оно есть согласно своему понятию. Этот внутренний недостаток составляет диалектику их обоих [т. е. пространства и времени]. Их положенность в соответствии со своим понятием есть материя и движение. И то, и другое суть одно и то же; их разность состоит лишь в том, что материя есть истина пространства и времени, будучи положенной простым, непосред-

---

¹² Альтернативный перевод фразы „...indem es ist, nicht ist“: «...не существуя, существует». — *Прим. пер.*

ственно покоящимся образом, по способу самого пространства. Тот же самый результат, положенный в форме процесса или времени, есть движение. — Истина пространства состоит в том, что в нем полагается отрицательность, которой оно является само по себе, а истина времени, наоборот, [состоит в том], что в нем полагается существование моментов, которые суть в нем. Определение времени полагается истинно, если в нем [времени] положено также и определение пространства; и наоборот [определение] пространства [полагается истинно], если в нем [пространстве] положено определение времени. И то, и другое, дополняя друг друга, составляют «одно». — Таким образом, понятие пространства и времени достигает своего наличного бытия, которое существует в двойственных формах материи и движения. Недостаток пространства выражен в § как результат, в рамках которого время переходит [в пространство]. Это, конечно, тот случай, когда положенность, будучи неполноценной, переходит на другую сторону понятия, которая еще не присутствует в положенности. — Когда мы говорим «переходит», мы представляем то, куда переходит наличное бытие, как иное по сравнению с тем, из которого исходят. То, что здесь представлено как иное, содержится в самом понятии, но поскольку оно еще не положено, то наличное бытие является неполноценным по отношению к своему понятию. —

Теперь следует рассмотреть, в какой степени то, что появляется в нашем представлении как материя, соответствует тому, что обнаружило себя здесь как понятие материи.

REFERENCES

- Bonsiepen, W. (1985). Hegels Raum-Zeit-Lehre. Dargestellt anhand zweier Vorlesungsnachschriften. *Hegel-Studien*, 20, 39–78.
- Hegel, G. W. F. (1975). Philosophy of Nature. In *Entsiklopedia Filosofskikh Nauk*. Vol. 2 (7–574). Rus. Ed. Moscow: Mysl' Publ. (In Russian)